

ВВЕДЕНИЕ

30 сентября 1939 года игроки самой популярной советской футбольной команды и лидера чемпионата — московского «Спартака» — готовились сыграть полуфинал кубка на поле стадиона «Динамо». Их соперником был ближайший конкурент — «Динамо» (Тбилиси), гордость Грузии и любимая команда Лаврентия Берию — могущественного и опасного главы тайной политической полиции, НКВД. На первый взгляд зрелище ничем не отличалось от тысяч других таких же встреч. И все же сыгранный матч не был похож ни на что другое в истории самого популярного в мире вида спорта. До этого «Спартак» уже обыграл «Динамо» (Тбилиси) в полуфинале 8 сентября со счетом 1:0. Единственный забитый мяч вызвал споры. «Динамо» подало протест, который был сразу же отклонен Всесоюзным комитетом по физической культуре. Еще четыре дня спустя «Спартак» выиграл финал. Капитан Владимир Степанов получил в свои руки кубок, команда совершила традиционный круг почета. Возобновились матчи национального чемпионата. «Спартак» успел сыграть еще две игры, когда ЦК отменил решение спортивного руководства, аннулировал результат полуфинала и предписал командам переиграть его. Спартаковское начальство обратилось к своим друзьям в высоких инстанциях, но это не помогло. В первый и, очевидно, в последний раз в истории полуфинал переигрывали уже после финала. Очевидно, Берия все же добился своего.

Советский спорт, как и многие другие области жизни, был тесно связан с политикой. Следуя этой логике, мы можем утверждать, что его собственная история способна ответить на глобальные вопросы, не имеющие, казалось бы, прямого отношения к спорту. В нашем случае эта отдельная небольшая история — история московского «Спартака». А глобальный вопрос я бы сформулировал так: «Что обычные советские граждане

думали о той системе, в которой жили?» Десятилетиями западные ученые, журналисты и другие внешние наблюдатели предпринимали различные попытки обнаружить и прояснить точку зрения обычных советских граждан. В защиту этих исследователей надо сказать, что найти пусть даже отрывочные сведения действительно было непросто. В демократических государствах общественное мнение хоть как-то, но проявляет себя — в результатах выборов, соцопросах, свободе печати. Понятное дело, что ни один из этих источников не доступен человеку, изучающему историю СССР. Когда советскому руководству необходимо было узнать, что о нем думает собственное население, оно полагалось на отчеты тайной полиции. Зарубежные исследователи не могли заглянуть в эти бумаги вплоть до распада СССР. Более того, даже когда они стали доступны, остался вопрос, насколько по ним можно судить об общественных настроениях. Ведь если врагов нет, то от кого нужно защищаться? Чтобы доказать свою необходимость, госбезопасность всегда должна была находить (а вполне возможно, иногда и изобретать) какой-нибудь заговор.

Коммунизм практически не давал советским гражданам свободы выбора, но спорт являлся одной из немногих сторон жизни, где простые люди могли иметь свое собственное мнение: болеть за свою любимую команду и почитать своих собственных героев. Государство не принуждало болельщиков к поддержке какой-либо команды — особенно если речь шла о футболе, самой популярной игре в стране. «Свои» команды были у фабрик, профсоюзов, студентов, милиции, армии. Выбирая, за кого болеть, болельщики (почти сплошь мужчины), субъективным образом выражали вполне объективные вещи — кто они такие, что думают и как относятся к окружающей действительности. Это касалось и вопросов их идентичности, и их политических предпочтений.

Личный выбор — «за кого болеть» (слушать игру по радио, а позже — смотреть по телевизору) — формировал сообщества болельщиков. Такие группы были хорошо заметны на стадионе, в толпе около него, там, где скапливалось много народу. Выбор любимого клуба был одним из многих маленьких шагов, при помощи которых человек конструировал самого себя¹. Как и болельщики во всем остальном мире, они редко меняли свои предпочтения. Еще с середины 1930-х «Спартак» и его группа поддержки использовали спорт для выражения своей позиции. В начале 1990-х, вскоре после распада СССР, советский антрополог Левон

Абрамян объяснял сущность этого выбора британскому журналисту Саймону Куперу: «В коммунистической стране... команда, за которую ты болеешь, подразумевала сообщество, к которому ты принадлежишь... Возможно, это была единственная возможность в жизни самому выбрать себе такое сообщество и иметь возможность вести себя в нем так, как тебе хочется. Быть болельщиком... означало быть среди других и быть свободным»².

В эпоху правления Сталина и Хрущева «Спартак» в большей степени, чем кто-либо еще на футбольном поле, воплощал чувства и настроения своих болельщиков. Он не всегда был лучшей, но, безусловно, всегда — самой популярной советской командой. «Спартак» больше, чем любой другой из «гражданских» клубов в советской лиге, давал возможность дистанцироваться от ненавистных «силовых структур» (милиции и армии), у которых были свои спортивные общества. По словам одного безымянного советского ученого, «Спартак» давал возможность болельщикам «свой способ сказать слабое „нет“» всему, что их окружало³. Боление за «Спартак» стало одним из способов выразить свое недовольство властями. Это, впрочем, не означает, что недовольство когда-либо выросло до уровня массовой поддержки идеи смены власти или что не было других, не политических, причин болеть за «Спартак». Краткий ответ на сложный вопрос о том, что же думали о своем политическом строе советские граждане, становится удручающе неопределенным.

Советская верхушка мечтала контролировать все стороны человеческой жизни. Футбол же всегда оставался той областью, в которой, казалось, всесильная советская власть имела лишь ограниченное влияние. Саймон Купер как-то назвал эту игру «ненадежным рабочим инструментом» в руках диктаторов. Разумеется, все это никак не оправдывает советскую версию коммунизма. Многие граждане, выражая свое недовольство, могли прийти и до насилия — однако, как нам демонстрирует история «Спартака», иногда они сопротивлялись власти значительно более своеобразным, часто неожиданным и не прямым образом⁴. Нечто похожее происходило и при других авторитарных режимах. Во франкистской Испании каталонская «Барселона» стала символом борьбы за автономию, как и «Атлетик» из Бильбао в стране басков. В Аргентине те, кто критиковал режим власти генералов, как правило, поддерживали «Бока Хуниорс» чаще, чем «Ривер Плейт».

«Спартак»: в поисках контекста

Четыре брата Старостиных (Николай, Александр, Андрей и Петр) основали общество «Спартак» в 1935 году, хотя реальная история команды охватывает XX столетие. Проходя сквозь драматические и запутанные обстоятельства советской истории, старостинская команда принимала новые формы, одновременно отражая и оказывая влияние на стремительно развивающееся общество (заметной частью которого она и являлась). Корни «Спартака» — в строго очерченных границах одной из рабочих окраин дореволюционной Москвы, на Пресне, где группа друзей, ведомая Старостиными, начинала играть на улице. В 1920-е годы друзья, используя преимущества новой экономической политики, означавшей временный переход к капиталистическому хозяйству, создали коммерчески успешные районные футбольные команды. Одновременно с восхождением Сталина Старостины адаптировались к новым внешним условиям и основали «Спартак». Установив необходимые для успеха связи, братья приобрели политическую и финансовую поддержку для своего клуба. Популярность и спортивный успех «Спартака» были столь значительны, что команда перешла дорогу органам госбезопасности, чья собственная команда, «Динамо», до того доминировала в советском футболе.

Старостины были арестованы во время войны и отправлены в ГУЛАГ. В отсутствие своих основателей «Спартак» утратил лидерство. В 1954-м, с первыми волнами реабилитации, братья освободились из ссылки. В оптимистические хрущевские годы Николай вернулся в команду, нашел новых спонсоров и вновь вывел «Спартак» на вершину таблицы чемпионата СССР. Этот период, известный как оттепель, стал для «Спартака» подлинным золотым веком. В феврале 1956 года Хрущев прочитал свой знаменитый «секретный доклад», в котором впервые заговорил о сталинских преступлениях. В конце того бурного года «Спартак» выиграл титул, а советская сборная, основу которой составляли спартаковцы, — олимпийское золото. В брежневскую эпоху Николай Старостин перестроил команду в свете возросшей конкуренции с мощными командами из столиц союзных республик. И вновь он изменил свой подход, отказавшись от многих прежних принципов, которыми ранее руководствовался в своей работе. Когда наступила перестройка с ее упором на окупаемость, Старостин оказался готов к возвращению проверенных

бизнес-моделей, которые работали еще при НЭПе и приносили команде дополнительный доход.

В отличие от многих других явлений в советской истории, возникавших по указанию сверху, «Спартак» прорастал изнутри, из недр самого общества. Пресненские корни давали клубу известную независимость, которую многие находили весьма привлекательной, другие — опасной. На протяжении всей истории «Спартака» большая часть этого драматического сюжета была связана со Старостинными и их личной судьбой. Родившись в небогатой семье, они поднялись на вершину славы и благосостояния, чтобы затем стать жертвами репрессий.

Их спасла причастность к футболу. Вместо того чтобы умереть в лагере, они тренировали местные команды, а вернувшись после смерти тирана, вновь вывели «Спартак» на вершину. Трудно устоять против этого образа — триумфа, трагедии и победы. Для большинства болельщиков он всегда был важнее правды. Перефразируя известное высказывание Клиффорда Гирца о «глубокой игре» в петушиных боях на Бали, один британский социолог написал: «Игра — это то место, где мы рассказываем себе истории о нас самих»⁵. История Старостинных была слишком хороша, чтобы не примерить ее на самих себя.

На протяжении десятилетий «Спартак» был любимой командой московских, а затем и советских болельщиков. Он сохранял этот статус, несмотря на взлеты и падения на футбольном поле. «Спартак» не всегда был на высоте, но, согласно клубной легенде, болельщики неизменно оставались преданы команде. Настоящим признанием в любви стал сезон 1976 года, когда «Спартак» финишировал вторым с конца и вылетел в первую лигу. На следующий год стадионы на матчах команды вновь были полны: если и не уникальное, то не самое частое явление в истории мирового спорта. «Ювентусу», «Манчестер Юнайтед», «Баварии», «Бока Хуниорс» и многим другим удавались впечатляющие чемпионские серии, однако когда успех уходил, за пределами родного города со стадионов уходили и болельщики. «Спартак», напротив, всегда оставался любимой командой всего Советского Союза.

Поддержка определенного клуба как социальный, культурный, политический маркер или даже фактор самоидентификации уже долгое время является характерной чертой больших европейских и латиноамериканских городов, в которых есть

несколько футбольных команд. В США так было далеко не всегда. Здесь спорт быстрее превратился в шоу, приносящее организаторам деньги. Появившиеся в последней четверти XIX века коллективы национальной бейсбольной лиги были, по сути, территориальными франшизами. Ни у одной из команд не могло быть конкурентов в радиусе 75 миль, в противном случае выплачивалась специальная компенсация. В отдельно взятом городе США мог быть один, максимум два клуба, которые являлись собственностью своих владельцев, имевших полное право перевезти их в другое место. В европейском футболе команды никуда не переезжают. Если дела идут плохо на протяжении долгого времени, они могут просто исчезнуть. Клубы изначально не были самостоятельными предприятиями. Они возникали при церквях, фабриках, пабах, городских районах или, как в случае «Спартака», из группы друзей и соседей. Команды глубоко укоренены внутри своих сообществ, и решение болеть за конкретный клуб может многое рассказать о том, как их болельщики представляют самих себя. Даже в СССР этот выбор был свободным⁶.

Триумфы советской олимпийской сборной создали общепринятое представление, что система государственного управления спортом предполагает конкурентоспособность строя в целом. Как мы понимаем теперь, олимпийская машина не только демонстрировала достижения системы, но и скрывала ее наиболее очевидные слабости. С футболом, впрочем, случилась другая история.

На протяжении XX века футбол в Российской империи и затем в СССР был мужским миром, миром насилия, коррупции — спонтанным и непредсказуемым. Здесь часто выпивали, много шутили. Он плохо соответствовал героической и моралистической олимпийской модели. Древнегреческие спортивные идеалы всё еще сохраняли свое значение для тяжелоатлетов, гимнастов или метателей диска, но не для футболистов — в статье в газете «Советский спорт» в 1959 году автор призывал отличать настоящий атлетизм от мужской футбольной культуры⁷. И хотя было бы натяжкой называть футбол в СССР постоянной формой организованной политической оппозиции, он был тем, что мы теперь называем «спорной территорией». Власти не могли контролировать спортивное сообщество, а игроки, тренеры, журналисты и болельщики не могли постоянно навязывать свою волю государству — организатору спортивных соревнований.